

УДК 821.161.1-3
ББК 82.2 (2Рос=Рус) 6-44
Б 74

*Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р19-916-0599*

Богданова, И. А.
Б 74 Многая лета: роман / Ирина Анатольевна Богданова. — М.: Сибирская Благовонница, 2020. — 749, [3] с.

ISBN 978-5-00127-140-6

«Ты умеешь видеть радугу на горизонте», — скажет один из героев своей суженой. Наверное, кусочки этой радуги достаются и читателям, ведь популярность романов Ирины Богдановой возрастает с каждым годом. Новая книга перенесёт события в эпоху перемен, когда привычный уклад жизни ломается на две половины, где непонятно, в какой стороне находится истина, и только сердце может подсказать, куда следует двигаться, несмотря ни на какие трудности. В историческую канву сюжета прочно вплетены любовь и верность, предательство и прозрение, отчаяние и радость победы. С первых страниц книги увлекательное повествование затянет читателей в водоворот событий, где героям предстоит побороть зло, чтобы выстрадать и обрести своё трудное счастье.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© Богданова И.А., текст, 2020
© Издательство Сибирская Благовонница,
оформление, 2020

Петроград,
25 октября 1917 года

На улице стреляли. Отшатнувшись к стене, Фаина пропустила группу матросов, опоясанных пулемётными лентами. Они бежали молча, сосредоточенно. От их хмурых лиц на душе становилось тревожно и страшно. Наверное, нечто сходное чувствовали и другие пешеходы, потому что при звуках выстрелов начинали испуганно озираться и шарахаться из стороны в сторону, как испуганные зайцы. Фаина с завистью подумала, что, несмотря на стрельбу, они доберутся до дома и будут сидеть в безопасности, пить чай, в то время как ей совершенно некуда преклонить голову.

Поискав глазами на что присесть, Фаина обняла руками большой живот, кое-как прикрытый плюшевой телогреей. От резкого движения вязаный платок-паутинка сполз на плечи. Муж подарил платок перед их скоропалительным венчанием, чтобы ей было, что накинуть на голову в церкви.

Она всхлипнула. Во время венчания думала о счастье в уютном домике в предместье с люлькой-колыбелью, подвешенной к потолку, а досталась доля одинокой солдатки с дитём на руках. Отец, к которому она пришла рассказать о замужестве, долго молчал, а потом взял в руки вожжи и принялся охаживать её по спине, голове, лицу — куда попадал.

— Убирайся вон, шалава, чтоб духу твоего здесь не было! Явилась — не запылилась! На, тебе, папаша, мужнюю дочку — корми её, пои, прорву бесстыжую.

За порог родной избы она выскочила, понимая, что обратной дороги к отцу нет. Да и не надо! Его кулаки загнали в могилу мать, а дочке оставили тонкий белый шрам над левой бровью. Хорошо, что малая догадалась тогда спрятаться в кадку, а то он до смерти забил бы её.

Сама Фаина чуть не с малолетства перебивалась подённой работой — постирать, помыть, помянчиться с малышней — любой заработанной копейке радовалась.

Потом пристроилась подсобницей стряпухи в богатый дом. Пока могла, работала. Ушла, когда до рождения ребёнка остался месяц, да и то только потому, что ноги опухли словно брёвна и спину ломило.

Чтобы передохнуть, Фаина одной рукой оперлась о стену, едва не завыв от острого чувства

безысходности. Бездомной собаке и то лучше, потому что сука может забиться хотя бы под крыльцо сарая или дровяника и там принести щенков.

Свистел ветер, вздымая вверх мокрые листья и обрывки прокламаций вдоль улицы. Время шло к вечеру. Промозглые осенние сумерки накрывали город.

Внезапно ослабнув, она опустилась на холодные ступеньки парадного подъезда. Не оставалось сил идти дальше. В поисках крова она бродила с раннего утра, тыркаясь как слепой котёнок то к одним знакомым, то к другим, и везде получала отказ. Подруга Таня, горничная господ Раковых, сунула в руки ломаный калач и пару яиц:

— Извиняй, Файка, больше ничем помочь не могу — у нашей кухарки каждая корка на учёте, сама знаешь, с продуктами в городе туго.

Ещё бы ей не знать, если в последний месяц питалась впроголодь, отдавая за угол на чердаке всё заработанное на подёшнице. Война диктовала свои законы: люди беднели, работы с каждым днём становилось меньше и меньше. Как жить дальше, Фаина не знала.

Хозяйка, у которой она снимала койку, вытолкала едва ли не взашей. Марья даже глаза не прятала и походя бросила:

— Освобождай место, Файка. Я квартирантов с детьми не держу, а ты вот-вот опростанешься. Мужняя жена — вот и иди к родне мужа.

Легко сказать — родня мужа! А где она, родня, если всё, что Фаина успела узнать у супруга, это то, что Кондрат был родом из города Зарайска, двести вёрст далее Москвы.

Странно, но о муже в последнее время совершенно не думалось, словно бы их свадьба накануне отъезда на войну была театральной постановкой, что показывают на открытой сцене в летнем парке.

Уткнувшись головой в колени, Фаина переждала волну боли, которая прокатилась по позвоночнику и горячим комком заткнула горло. Сейчас она вся представляла собой пульсирующий комок боли и страха, но люди шли мимо, никому не было до неё дела.

«За ночь умру. Скорее бы», — подумала она с равнодушием. Не сразу поняла, что рядом с ней остановился мужчина в начищенных ботинках и тронул её за плечо:

— Эй, барышня, позвольте пройти.

Глухо замычав, Фаина откачнулась в сторону, но мужчина присел около неё на корточки, а потом спросил:

— Встать можешь? — и, увидев большой живот, решительно приказал: — Давай подымайся, пойдём со мной.

* * *

Когда во время ужина Оленька внезапно отшвырнула ложку и схватилась руками за живот, Василий Пантелеевич Шаргунов едва не упал в обморок от ужаса:

— Оленька, что?! Уже?

Закусив губу, жена посмотрела на него глазами, полными ужаса и смятения, и кивнула:

— Кажется, да.

Её огромный живот, туго обтянутый голубым шёлковым пеньюаром, мелко ходил ходунном, словно там внутри плескалась большая рыба.

Василий Пантелеевич с отчаянием охнул:

— Оля, потерпи, я сейчас телефонирую доктору.

Если тебе сорок пять лет, а жене около сорока, то неожиданное отцовство вполне способно выбить из колеи любого мужчину, а Василий Пантелеевич отнюдь не причислял себя к героям.

Натыкаясь то и дело на стулья, он бестолково заметался по комнате. Одной рукой попытался поддержать Олю, потом зачем-то переставил со стола на подоконник чайник, опрокинул чашку, задел рукавом домашней куртки сахарницу и вазочку с печеньем. Если бы в квартире оказался третий человек, он почувствовал бы себя увереннее, но кухарка была приходящей,

а такую роскошь, как горничная, отменило нынешнее кризисное время. Будь оно трижды неладно!

— Вася, телефонный аппарат в прихожей, — успела подсказать Оля, прежде чем громко застонала от боли.

Руки тряслись, поэтому рожок телефонной трубки постоянно выскальзывал из пальцев. Момент появления наследника — а Василий Пантелеевич ждал только мальчика — давно был оговорён с семейным доктором. Но на том конце провода к аппарату подошла супруга Петра Ильича и твёрдо заявила, что под их окнами идёт бой и, само собою, Пётр Ильич на вызов прийти не может.

— Как не может?! — переходя на фальцет, закричал Василий Пантелеевич, но связь уже разъединилась, отдаваясь в трубке противными скрипами и шорохами.

Чтобы взять себя в руки, Василий Пантелеевич сбегал в комнату и прямо из носика опустошил половину чайника. Теплая вода пролилась на подбородок и оросила полы куртки. Жена коротко вскрикнула:

— Вася, поторопись, мне плохо!

Требовательный голос Оли дал толчок к активным действиям. Теряя на ходу туфли, Василий Пантелеевич бросился к справочнику «Весь Петербург». Хвала Всевышнему, раздел

с врачами он догадался загодя заложить закладкой. Выбирать не приходилось, и Василий Пантелеевич обзванивал все номера наугад, пока, наконец, один абонент не отозвался. Торопливо перекрестившись, Василий Пантелеевич скороговоркой продиктовал адрес и метнулся к Оле, моля Бога только о том, чтобы врач успел добраться прежде, чем случится неизбежное.

* * *

Гражданский инженер Василий Пантелеевич Шаргунов женился около тридцати лет на дочери губернского землемера Оленьке Рекуновой, засидевшейся в девушках, потому что на момент сватовства ей исполнилось уже двадцать пять лет. Других женихов, кроме него, у Оленьки не намечалось. Не то чтобы она была нескладной или сварливой — совсем нет, но потенциальные претенденты на руку и сердце побаивались её решительного характера и громкого голоса с низкими басовитыми нотками. Кроме того, Оленька курила трубку, любила рассуждать о женской эмансипации и при первом же знакомстве с кавалерами сообщала, что ни за какие блага не станет домашней курицей, окружённой цыплятами, то бишь детьми.

На деле всё оказалось не так безнадежно, потому что, перейдя в разряд замужних дам,

Оленька сменила привычки с поразительной быстротой и уже через год превратилась в уютную жёнушку, которая не чуждается вязать мужу тёплые жилетки, а по осени варить смородиновое варенье с желатином по особой рецептуре купцов Бахрушевых. Варенье, к слову, получалось отменным.

Шаргуновы жили обычной жизнью скромных обывателей: на лето снимали дачу в Павловске, зимой посещали театры и галереи, иногда давали званые ужины или ходили к приятелям играть в лото и раскладывать пасьянс. Детей Бог не посылал, но они об этом не особо печалились, тем более что Василий Пантелеевич уважал тишину и покой, а дети, как известно, источник не только дополнительных расходов, но и большого шума.

Начало Великой войны застало господина Шаргунова в должности инспектора строительного департамента. Нельзя сказать, чтобы война грянула неожиданно: в столичном воздухе Санкт-Петербурга давно носилось предчувствие перемен, принимающее дикие и странные формы самоубийств, бесчинств по-клоунски раскрашенных футуристов и повального увлечения спиритическими сеансами. Уж насколько скептически был настроен к сему действию Василий Пантелеевич, но и он поддался на уговоры жены и пару раз принял участие

в столоверчении с вызовом духа убиенного императора Павла Первого.

Сейчас Василий Пантелеевич со стыдом вспоминал душный салон с потушенным электричеством и замогильный голос госпожи Бабочкиной, утробно задающий вопросы о грядущем конце света. Присутствующие сидели, сцепив руки, и барышня по левую сторону постоянно истерически вздрагивала и норовила прижаться коленкой к его ноге. Заметив поползновения соседки, Оля учинила ему маленький скандалчик и на спиритические сеансы ходить перестала.

Сигналом к началу войны стали выстрелы Гаврилы Принципа, члена тайной организации «Молодая Босния». Недрогнувшей рукой он застрелил в Сараево наследника австро-венгерского престола Франца-Фердинанда и его жену. Через месяц Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Чтобы не оставить в беде православных сербских братушек, в России вышел указ о всеобщей мобилизации. Германия потребовала его отмены, а получив отказ, объявила войну России.

В тот день город стал похож на скаковую лошадь, которой внезапно дали шпоры. Люди куда-то бежали, мальчишки-разносчики газет кричали, дворники по приказу хозяев вывешивали российские флаги, обыватели за обедом поднимали чарки за победу русского оружия,

а юные гимназистки возбуждённо перешёптывались и планировали вязать носки для храбрых солдат.

— Боже, царя храни! — реяло над растревоженной толпой горожан, что с боковых улиц двигалась в направлении Дворцовой площади.

Повинуясь общему подъёму, Василий Пантелеевич с супругой тоже пошли на площадь. Стоя на балконе Зимнего дворца, император вскинул голову и произнёс несколько слов, утонувших в многоголосой массе народа.

Утром газеты сообщили, что за прошедшую ночь на Невском проспекте разграбили немецкие магазины и побили витрины. Особенно пострадало германское посольство на Исаакиевской площади. Его тяжёлое здание, увенчанное фигурами обнажённых тевтонов с конями, казалось нестерпимой насмешкой над чувствами патриотов. Три дня на Большой Морской улице валялись выломанные решётки и пустые сейфы, а колёса конных экипажей проезжали по раскиданным документам и бухгалтерским книгам. Наконец, с крыши на мостовую сбросили голых великанов, и многие, проходя мимо, норовили плюнуть в бронзовые лица ни в чём не повинных скульптур.

Одной из первых в театр военных действий выдвинулась гвардия, и почти сразу газеты стали публиковать списки убитых и раненых.

Российская армия несла крупные потери, и на смену уверенности в победе по домам петербуржцев стали кочевать разговоры, что война может затянуться на долгие месяцы и, может быть, даже на год или на два.

Как-то раз поутру, отправляясь в департамент, Василий Пантелеевич увидел табун зелёных лошадей, который рысями шёл вдоль Петергофского проспекта. Сперва он подумал, что сошёл с ума, и даже приложил руку ко лбу — проверить, нет ли горячки, и лишь в последующий момент сообразил что-то насчёт военной маскировки.

— Фантазмагория, — пробормотал себе под нос Василий Пантелеевич, ещё не предполагая, что вскорости это слово станет определять всю последующую жизнь Российской державы.

Когда в августе 1914 года Санкт-Петербург переименовали в Петроград, Василий Пантелеевич, обращаясь к жене, сказал:

— Ну, всё! Прощаемся, Оля, со стольным градом Петровым, потому что меняющий имя меняет и судьбу.

Словно затяжная зима, война шла и шла, по ходу собирая свою страшную кровавую дань. На улицах замелькали белые косынки сестёр милосердия, застучали по мостовым костыли покалеченных, а у продовольственных лавок выросли очереди, которые стали называться хвостами.

Цены на продукты пухли буквально на глазах. Подумать страшно: хлеб с четырёх копеек за фунт вырос до шести копеек! А про селёдку и вымолвить боязно, потому как она вздорожала до тридцати копеек с четырёх! Ропот на дороговизну подталкивал людей к недовольству правительством, и когда начались перебои с продовольствием, стало казаться, что поднеси спичку к горячим слухам и пересудам, и город запылает...

* * *

К началу семнадцатого года с прилавков окончательно исчезли мясо, масло и мука. Рыночные торговцы за любую мелочь драли втридорога. Очереди за хлебом выстраивались с полуночи. Подогретые нехваткой продовольствия, на заводах полыхали рабочие волнения, а двадцать третьего февраля¹ улицы заполнили женщины с пустыми кастрюлями в руках. На своём веку город видел немало демонстраций, то эта — кастрюльно-женская — повергла Василия Пантелеевича в особенно гнетущее ощущение предгрозовой тревоги. Он растерянно посмотрел на жену и, к вящему удивлению, увидел в её глазах искры восторга.

¹ 23 февраля — 8 марта по новому стилю.

— Вася, неужели ты не чувствуешь, какая мощь и сила идёт от этой толпы? Здесь всё сермяжное, народное, истинное!

Прильнув к окну, Оля приветственно махнула рукой, и какая-то женщина из середины людской массы в ответ подняла вверх помятую медную кастрюлю, больше похожую на ночную вазу. Василий Пантелеевич был повержен и разбит в пух и прах. На нервной почве он закрылся в кабинете с бокалом шампанского и попытался перечитать «Женитьбу Фигаро», но вскоре оставил безуспешные попытки отвлечься. Он прикорнул на кушетке в надежде, что к утру революционные настроения пойдут на спад и народ одумается.

В марте 1917 года император Николай Второй отрёкся от престола. На следующий день отказался от власти его брат, великий князь Михаил Александрович, и российское самодержавие перестало существовать.

Когда в газетах появился Высочайший манифест об отречении государя, Шаргуновы были в церкви. Пришли по случаю именин Ольгиной матушки. Прихожан набилось много, и уже с притвора пришлось протискиваться вдоль стены. Лица молящихся мягко и тускло освещало пламя свечей. Запах ладана как будто смешивался с тихими словами, летящими с сухих губ.

— Господи, помилуй Россию, — прошептала высокая старуха в чёрном.

Люди колыхнулись, когда на амвон вышел протоиерей, отец. Его согбенная фигура свидетельствовала о каком-то страшном несчастье.

— Братья и сёстры... — Всегда громогласный протоиерей захлёбывался от слёз.

От враз установившейся тишины у Василия Пантелеевича зазвенело в ушах. Найдя руку Оли, он стиснул её пальцы в тонкой перчатке.

— Братья и сёстры! — Отец протоиерей поднёс к глазам лист прокламации и стал медленно зачитывать манифест об отречении императора:

«В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестоким враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли МЫ долгом

совести облегчить народу НАШЕМУ тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной Думою признали МЫ за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с СЕБЯ Верховную власть. Не желая расстаться с любимым Сыном НАШИМ, МЫ передаем наследие НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляем ЕГО на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем Брату НАШЕМУ править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего долга перед ним, повинованием Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ЕМУ, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и силы. Да поможет Господь Бог России»¹.

— Святы́й Боже, Святы́й крепкий, Святы́й безсмертный, помилуй нас, — на весь храм

¹ Акт отречения от престола императора Николая II. 02.03.1917. Проект Российского военно-исторического общества «100 главных документов российской истории».

заблажила хромая Агаша, что побиралась на Нарвской стороне близ Обводного канала.

Казалось бы, какая корысть нищенке, что за власть на дворе? Ан нет, она воет, рвёт на себе волосы, в то время как хорошо одетые господа ухмыляются. И студентики в тёмно-серых мундирах радуются как дети, только что выменявшие новую игрушку на смятый конфетный фантик, и дамочки в собольих шубках восторженно переглядываются, и нарядные барышни, вместо того чтоб заплакать, с любопытством охают:

— Ой что будет! Ой что будет!

— Святой Боже, Святой крепкий... — продолжала выводить Агаша.

«Это конец, — с отчётливой ясностью понял Василий Пантелеевич. — Конец прежней жизни, конец покою, конец свободе, конец патриархальной России!»

В поисках поддержки он оглянулся, по пути перехватив взгляд Оли. Она стояла, прижав ладони к щекам, и остекленевшим взглядом смотрела поверх голов. Старик-городовой рыдал как ребёнок. Девушки-гимназистки с пылающими щеками пробирались к выходу.

— Хаос, фантазмагория, бег зелёных лошадей, — сказал Василий Пантелеевич, прежде чем церковный колокол с глухим отчаянием ударил в набат.

* * *

Дальнейшая жизнь в России характеризовалась чудовищной смесью фарса и безумия, от которой хотелось забиться в берлогу и проснуться, когда в стране вновь воцарятся покой и порядок. Февральская революция, Временное правительство во главе с князем Львовым, мелькание сомнительных государственных личностей: Гучков, Милюков, Керенский, Родзянко. События последних месяцев представлялись Василию Пантелеевичу в кошмарах табуном зелёных лошадей, что несутся в бешеной скачке на пути в пропасть. Ребёнок ли на пути, женщина, старуха с клюкой — всё едино, растопчут и не заметят.

Дошло до того, что Оле пора рожать, а у врача, видите ли, под окнами стреляют! Счастье, что удалось найти хоть какого-то лекаря!

На всякий случай Василий Пантелеевич сбегал в прихожую и снял цепочку, чтобы скорее отворить доктору дверь. Предпринятые действия показали ему не лишними, потому что от нервного расстройства пальцы не слушались и дёргали запор в другую сторону. На улице снова грянули выстрелы.

Перекрестившись, Василий Пантелеевич оборотился к иконе и понял, что его трясёт, как пассажира на втором ярусе конного экипажа.

— Вася, я больше не могу ждать! — закричала Оля.

— Олюшка, потерпи! — не своим голосом взвыл Василий Пантелеевич. — Доктор обещал скоро быть.

Почему-то на цыпочках он перебежал коридор и заглянул в спальню. Жена стояла на коленях и держалась руками за спинку кровати. Круглая тень от её головы расплывалась на потолке.

И в этот самый момент, когда Василий Пантелеевич уже был готов колотить лбом о стену, он услышал стук в дверь, словно бы ломилась огромная кошка.

— Слава Тебе, Господи!

Не спрашивая, Василий Пантелеевич распахнул дверь и увидел молодого человека с саквояжем, который тащил на себе растрёпанную беременную женщину.

— Вы кто? — едва владея собой, воскликнул хозяин и собирался закрыть дверь, но молодой человек вставил в щель ногу и сказал:

— Я доктор. Вызывали?

— Да, наконец-то! Проходите! — нервно потирая дрожащие руки, засуетился Василий Пантелеевич. — А эта дама кто? — он указал на женщину, и врач коротко ответил:

— Роженица.

— Ещё одна? — с испугом прошептал Василий Пантелеевич, перестав окончательно понимать происходящее.

— Так случилось. Устройте её куда-нибудь, а мне покажите, где вымыть руки. Надеюсь, вы подготовили горячую воду.

Василий Пантелеевич оторопел:

— Воду?

— Именно. Мне надо много горячей воды. Несколько чайников. И чистые простыни, и полотенца.

Словно куль с мукой, доктор перевалил женщину на руки Василию Пантелеевичу и поспешил на стон из спальни.

Тусклый свет лампы едва позволял разглядеть лицо женщины. Оно показалось Василию Пантелеевичу детским. Вцепившись ему в рукав куртки, женщина выгнулась дугой и надсадно замычала.

Не зная, что предпринять, Василий Пантелеевич едва ли ни силой потащил её в помещение для прислуги, находящуюся напротив туалетной комнаты. Судя по неуверенным движениям и диким взглядам, она, похоже, совсем обезумела.

В комнатёнке давно никто не жил, в застоявшемся воздухе пахло пылью и сыростью. Василий Пантелеевич опустил свою ношу на узкую койку, застеленную пикейным покрывалом, и женщина коротко поблагодарила его кивком головы. Видимо, она не могла говорить.

В это время, как на грех, потухло электричество, что в последнее время случалось с досадной

регулярностью. Перебирая руками по стене, Василий Пантелеевич заметался в поисках свечей. В разных концах квартиры кричали женщины. Доктор требовал света, горячей воды и чистых полотенец. С закатанными рукавами он бегал от одной пациентки к другой. В темноте коридора его лицо мелькало светлым пятном.

Когда доктор в очередной раз пробежал мимо, Василий Пантелеевич закатил глаза и рухнул на пол. Последним, что запечатлелось в мозгу, был недовольный возглас доктора:

— Только этого ещё не хватало!

* * *

По щекам назойливо хлестало что-то горячее и мокрое. Не желая выныривать из состояния покоя, Василий Пантелеевич крепче смежил веки, но в тот же момент понял, что придётся открыть глаза. Усилием воли он шевельнулся и нечетким зрением увидел незнакомца, сидящего около него на корточках. Свёрнутым в жгут мокрым полотенцем мужчина ещё раз шлёпнул его по щеке:

— Господин Шаргунов, очнитесь! Идите к жене!

«Ах, да! Оля, ребёнок, вызов доктора», — припомнил Василий Пантелеевич.

В следующее мгновение он встрепенулся и уже осмысленно спросил:

— Всё закончилось?

— Да, — кивнул доктор. — Вас можно поздравить.

Василий Пантелеевич не сразу понял, что электричество снова горит, что стоны из спальни стихли. Когда он с помощью доктора поднялся, ноги дрожали.

— Оля! Олюшка!

Василий Пантелеевич шагнул в спальню. Смятые подушки, смятые простыни, спускающиеся до полу, смятое лицо Оли.

— Оля, милая! — Опустившись на край кровати, Василий Пантелеевич припал губами к Олиной руке. — Доктор сказал, что всё хорошо! — Он поискал глазами младенца. — Но где наш сын?

— Сын? — Голос Оли звучал спокойно и устало. — Почему ты решил, что у нас сын? У нас дочь.

— Как?

Хотя известие поразило его до глубины души, Василий Пантелеевич понял, что даже ради всех сыновей на свете не готов ещё раз пережить подобную ночь. Девочка так девочка. Девочки тоже люди. Устыдившись своих мыслей, он постарался побороть растерянность.

— Да, девочка, — подтвердила Оля. — Её доктор унёс. Сказал, что мне надо отдохнуть.

Жена закрыла глаза и немедленно уснула, а Василий Пантелеевич обернулся к доктору.

Тот кивнул головой в сторону кровати:

— Вашей супруге пришлось трудно. Пусть она поспит. Пойдёмте.

Василий Пантелеевич покорно потрусил за доктором, который уверенно прошёл в комнату для прислуги.

— Пожалуйста удостовериться, господин Шаргунов, ваш ребёнок в целости и сохранности.

Василий Пантелеевич увидел полулежавшую на кровати женщину, которая прижимала к себе два совершенно одинаковых свёртка.

Женщина подняла голову и робко улыбнулась чуть припухшими губами.

— В вашей квартире сегодня появились на свет две девочки, — сказал доктор.

Василий Пантелеевич забеспокоился:

— И какая из них моя? Правая или левая? Вы их не перепутали?

От волнения он начал пришепётывать, что с ним случилось единственный раз на выпускном экзамене в гимназии.

— никоим образом не перепутали, — заверил врач. — Запомните, ваш ребёнок помечен тесёмкой на ножке, — он кивнул головой, и женщина подала ему левый свёрток. — Вот ваша красавица, знакомьтесь.

В момент, когда взгляд Василия Пантелеевича остановился на крохотном личике в обрамлении белой простыни, ему показалось, что

Земля остановила вращение и они вместе с новорождённой дочкой оказались где-то посреди двух миров — действительным и нереальным, сотканным из звёзд и ветров.

У крохотной девочки были голубые глазки, тёмные бровки, и она умела моргать и морщить лобик!

Настигший Василия Пантелеевича восторг оказался такой силы, что по щекам потоком хлынули слёзы.

— Господи, спасибо Тебе за это чудо! — прошептал он и посмотрел на доктора. — Господин доктор, сколько я вам должен за подобное счастье?

Доктор неопределённо хмыкнул:

— Вообще-то счастье бесценно, но в качестве компенсации я попрошу вас позаботиться о Фаине, — он указал на лежащую женщину. — Понимаю, время трудное, но ей надо окрепнуть и встать на ноги. Проявите милосердие.

— Конечно, конечно, — забормотал Василий Пантелеевич, — не беспокойтесь. Мы с Ольгой Петровной всегда рады гостям. И приютим, и накормим, и напоим.

Он не был уверен, что Оля разделит его мнение, но в приливе благодарности за дочь мог пообещать что угодно, хоть свой любимый портфель из крокодиловой кожи, подаренный сослуживцами на сорокалетний юбилей.

* * *

На улице грянул взрыв такой силы, что задрожали стёкла. Приподнявшись на локте, Фаина заглянула в лицо сначала одной девочке, потом другой. Они обе лежали рядом — два одинаковых тёплых кулёчка. Доктор попросил присмотреть за дочкой хозяев, потому что хозяйка ослабла и ей необходим отдых, а она, Фаина, молодая и крепкая.

Очень хотелось пить. Протянув руку, Фаина взяла с тумбочки стакан сладкого чая и жадно сделала несколько больших глотков, ощущая, как к ней возвращаются силы.

Если бы несколько часов назад, когда она замерзала на холодных ступеньках, кто-нибудь сказал, что утро она встретит уже мамой в кровати под тёплым одеялом в вышитом пододеяльнике... со стаканом малинового чая! В узкое окно заглядывал жидкий рассвет, освещая высокий комод с тремя ящиками и глянцевые плитки тыльной стороны камина по дальней стенке. Господи, хоть бы подольше остаться в этой чудесной комнате с обоями в мелкий цветочек и широким подоконником, на который можно поставить горшок с геранью! Большого нынче и желать трудно.

Повернувшись на бок, Фаина одной рукой обняла сразу двух девочек и вздохнула. Родились в один день, в один час, а судьба их ждёт совсем разная. И которая-то из них наверняка

будет счастливее, чем другая. Кабы знать, кому из двух уготовано счастье, да поменять местами, чтобы оно точно досталось её дочери! Вот и хозяину стукнуло в голову, что можно детей перепутать. Эх, вот и образованный человек, а не понимает, что никогда мать не перепутает своё дитяtko, если хоть единый миг побаюкала его. Ей стало стыдно своих грешных мыслей, и она посмотрела на икону в углу:

— И не введи нас, Господи, во искушение, и избави нас от лукавого. На всё Твоя воля, пусть обе девочки будут счастливы, и даруй им многая лета!

Выстрелы на улице стали звучать чаще и громче, и Фаина снова возблагодарила Бога за предоставленный кров. Ей теперь было очень страшно за свою кроху, что могла бы умереть от пули, так и не появившись на свет. Скорее бы закончилась неразбериха в государстве, чтобы можно было обрести хоть какой-то угол да выправить пенсию за погибшего мужа. Авось и удастся вывести ребёнка в люди и не сгинуть в кровавой каше, что заваривается сейчас в России.

Днём в поисках угла она прошла мимо Дворцовой площади, застроенной баррикадами из дров. Готовясь к обороне, солдаты таскали мешки с песком. Щетинились штыками батальоны, и крики вокруг раздавались короткие, злые, как ножевые удары. Радовались происходящему

только мальчишки, что с лихим интересом шныряли между взрослыми.

Уходя, хозяин выключил свет, и от занавесок по потолку скользили расплывчатые тени, похожие на облака. Усталое тело казалось пустым и невесомым. Фаина прислушалась к лёгкому сопению двух носиков, перекрестила девочек и заснула чутким сном своего первого дня материнства.

* * *

Первыми словами, произнесёнными наутро Ольгой Петровной, были:

— Вася, а ты уверен, что наша девочка действительно наша? Доктор сказал, что повязал на ножку тесёмочку. Проверь.

Василий Пантелеевич растерялся, потому что сам вопрос предполагал пеленание, которое представлялось очень сложным искусством для любого мужчины. Казалось, что крохотные ручки, ножки, пальчики способны переломиться от одного взгляда, не то что от прикосновения. А если ребёнок, упаси боже, испачкал пелёнки? Что тогда предпринять?

Василий Пантелеевич мысленно вознёс к небесам молитву и лишь только потом неумело вытащил заправленный в складку край пелёнки.

Ярко-зелёная тесёмочка на правой ножке была на месте. Держа дочку на отлёте, Василий

Пантелеевич положил её Оле на колени, удивлённо отметив, что Оля посмотрела на новорождённую скорее с досадой, чем с любовью.

— Странно, я вчера не заметила, что у неё синяк под глазом. И лоб какой-то жёлтенький. — Оля пристально исследовала взглядом каждый сантиметр крохотного личика. — А та, другая девочка, тоже такая... — она затруднилась с определением, — ... такая помятая?

— Я не разглядывал, — сказал Василий Пантелеевич, — она спит у матери на руках.

— Кстати, я так и не поняла, откуда в нашем доме взялась ещё одна женщина. Доктор что-то объяснял, но мне было не до разговоров.

— Я тоже не очень понял. Доктор её с собой притащил. Совсем молоденькая, примерно лет восемнадцати. Говорит, вдова солдата. Зовут Фаина. Не выгонять же её на улицу, да и доктор гонорар не взял, а попросил приютить свою протеже, пока та не окрепнет.

Не обращая внимания на ребёнка, Оля откинулась на подушки и прикрыла глаза:

— Уходи, Вася, и дочь унеси, я устала. Пусть эта Фаина её покормит.

* * *

Фаина никак не могла назвать дочку. Прикидывала так и этак, но всё, что приходило на ум,

казалось неподходящим. То вспомнила золотушную Маньку, дочку прачки, что ругалась крепче извозчика, то гулящую Палашку с косым глазом. Хотела было назвать Танюшкой, но вспомнила про несчастливое замужество своей тёти Тани.

Имя — оно ведь как судьба, даётся навсегда, ошибиться нельзя.

Поэтому, когда Василий Пантелеевич пригласил для крещения батюшку, она обрадовалась. Пусть священник подскажет, так оно вернее получится. Как сказал Василий Пантелеевич, хозяйскую дочку решили назвать Элеонорой, по-простому Еленой, в честь бабушки Ольги Петровны.

«Красивое имя, господское, — подумала Фаина, — с таким имечком надо ходить в шелках и бархате, а по утрам пить кофе из фарфорового сервиза с золотым ободком».

Но приглашённый батюшка оказался суровым. Пригладив волосы, он поправил скуфейку, помолился перед иконами и заявил:

— Обоих крещаемых нарекаю по святцам. — Сухими пальцами он полистал молитвослов в шагреновом переплёте и поднял глаза на Василия Пантелеевича и Фаину. Ольга Петровна чувствовала лёгкий жар и поэтому с кровати не встала. — Сию деву нарекаю Анастасией, — он

показал на Фаину с ребёнком на руках, а сию — Капитолиной.

— Но Ольга Петровна хотела Элеонорой, — заупрямился Василий Пантелеевич.

— Капитолина, — бескомпромиссно отрезал батюшка, — взгляните в окно, какое время трудное им выпало. Сейчас надо особо правила соблюдать, ведь неизвестно, что этих детей ждёт. Пусть хоть здесь своеволием не нагрешим.

На улице и вправду стреляли, и толпа матросов в шальном угаре пьяно орала всяческие непотребства.

* * *

«Удивительно, какую метаморфозу могут претерпеть человеческие чувства», — подумала Ольга Петровна, уныло разглядывая осенний пейзаж на стене спальни. Пейзаж она намалевала лично, ещё в барышнях, и очень гордилась найденным колером золотистой листвы на фоне трёх белоствольных берёзок у пруда с чёрной водой. Кое-где на воде играли серебристые блики, и вдалеке у кромки воды приткнулась старая лодка.

Там, в беззаботной юности, зрелая жизнь казалась чередой открытий и праздников, а на деле вышло спокойное, можно сказать, бесцветное существование, к которому теперь прибавились

трудности в виде ребёнка. Наверное, она слишком долго ждала дитя, и любовь в сердце успела перегореть в горстку пепла. Кроме прочего, ей уже хочется покоя, а не криков по ночам и не топота детских ножек. Няню нынче днём с огнём не сыщешь, да и платить ей нечем — жалованье Василию Пантелеевичу задерживают, цены на продовольствие дикие, на носу зима, а значит, придётся оплачивать отопление. Может и к лучшему, что доктор подобрал на улице готовую кормилицу. Ольга Петровна никак не могла назвать Фаину по имени, потому что за неделю видела её лишь однажды, когда та принесла ей дочку после крестин.

— Олюшка, ты только не переживай, но отец Макарий окрестил нашу дочь Капитолиной, — примирительно произнёс муж, поглаживая по плечу.

Ольга Петровна стряхнула его руку. Поднявшееся в груди раздражение оказалось так сильно, что она едва сумела выдать:

— Капитолина так Капитолина. Мне всё равно. И знаешь что, Вася?

— Что? — Он посветлел лицом. — Я всё для тебя сделаю.

Ольга Петровна вздохнула:

— Поговори с кормилицей, вдруг она согласится остаться в нянях без жалованья, работая за стол и проживание?

* * *

— Остаться у вас? Ухаживать за ребёнком? — Фаина во все глаза смотрела на Василия Пантелеевича и не могла опомниться от счастья.

Когда Василий Пантелеевич сказал, что не сможет платить ей жалованья и предлагает работу за кров и стол, Фаина замахала руками:

— Что вы, что вы! Я согласна! Век вам буду благодарна!

Ей показалось, что хозяин тоже обрадовался, и его напряжённый взгляд стал спокойным и тёплым. Тыльной стороной ладони он потёр щеку с пробивающейся щетиной:

— Вот и славно. Значит, договорились!

— Вы не пожалеете, я умею хорошо работать! — горячо произнесла Фаина, всё ещё боясь, что он передумает и скажет ей, что пора очистить помещение, и она превратится в бездомную собаку, обречённую на голодную смерть.

Едва за Василием Пантелеевичем закрылась дверь, она бросилась на колени перед иконой:

— Господи, спасибо Тебе! В добрый час Ты привёл меня к этому дому и поставил на пути доброго человека, доктора!

От великой благодарности и любви, заполнившей сердце, Фаина расплакалась. Неужели бывает так, чтобы из печали да сразу в радость? Словно бы из горящей избы на волю вырвалась. Всю прошлую ночь она мучительно обдумывала

своё положение и не находила выхода. Фабрики бастуют и не набирают работников, в Петербурге волнения и неразбериха, а значит, подённой работы тоже не сыскать. А куда девать ребёнка? Чтобы не умереть с голоду, оставалось одно — отдать Настёну в приют в чужие руки. Одна мысль о подобном бросала в холодный пот. Отказ от своего дитятки представлялся хуже смерти.

Не вставая с колен, Фаина передвинулась к койке и уткнулась лбом в два белых свёртка, лежащих рядышком.

— Обещаю, что буду любить вас обеих, потому что знаю, каково это — расти без родительской ласки.

Словно поняв, о чём речь, хозяйская Капа по-мышинному пискнула тоненьким голоском, и Фаина вздохнула — после крестин барыня ещё ни разу не поинтересовалась, как там дочка. Да и сама Фаина пока не видела хозяйку. Надо пойти, познакомиться.

За те несколько дней, что Фаина прожила в квартире, она выходила только в туалет и ванную. Двери туалета и ванной комнаты были расположены вплотную с её клетушкой, представлявшейся чудесными хоромами. Теперь почти своими. Под кроватью обнаружился пустой сундук, куда прекрасно поместился узелок с нехитрыми вещами. На подоконник Фаина поставила подарок мужа — алюминиевую кружку

с тиснёным узором. Вот и всё, что осталось на память об их скоротечной любви. Так и не узнал солдат, что стал отцом, сгинул на фронте в безымянной могиле, и косточки в чужой земле истлеют. Царствие ему Небесное.

Фаина прислушалась к стуку на кухне и поняла, что пришла кухарка. Пару раз она заглядывала к Фаине, чтобы принести еду, забрать грязное бельё и выдать стопку простыней и пелёнок. На вид кухарке было лет сорок. Высокая, костистая, с острым подбородком и недоверчивыми глазами.

Ставя на столик поднос с тарелками, она остановила взгляд на ребёнке и хмыкнула:

— Нагуляла небось дитё-то?

— Почему нагуляла? — с трудом произнесла Фаина. Во время родов она так накусила губы, что до сих пор чувствовала во рту вкус крови. — Я вдова. Мужа на войне убили.

— Все вы нынче вдовы. — Кухарка говорила отрывисто, недобро. — Язык-то без костей, мели что хочешь.

Нахмурившись, Фаина сердито бросила:

— Побожиться, что ли?

— Да ладно, не серчай, — лицо кухарки чуть смягчилось, — это я так брякнула, ради разговору. Не каждый день хозяева побродяжек в дом пускают. Может, ты воровка какая? На тебе ведь не написано, честная или нет. Мне что? У меня

красть нечего. — Она пожала плечами и, не дав Фаине опомниться, гордо удалилась, всем своим видом показывая, кто здесь главный.

Ни встречаться, ни разговаривать с кухаркой не хотелось, но раз уж судьба привела сюда, то придётся кухарке смириться с новым человеком, точнее с тремя людьми. Фаина взглянула на девочек и улыбнулась:

— Идите ко мне, мои ягодки, пошли осматривать хоромы.

Дверь комнаты для прислуги выходила в просторную кухню с плитой посредине. Кухарка, что рубила сечкой капусту, подняла голову:

— Хозяйка сказала, тебя в няньки взяли?

Фаина кивнула:

— Да.

— Ну, раз так, давай знакомиться. Зови меня Татьяна. — Она усмехнулась и добавила: — Ивановна. Я уважение люблю. — Татьяна Ивановна бросила сечку и кивнула головой в сторону окна. — Слыхала, что наместники солдатики Зимний дворец взяли и правительство турнули? Людишки болтают, наша теперь власть — народная. Делай что хошь!

— Это как? — Фаина почувствовала, что сбита с толку.

— Пока не знаю, — Татьяна Ивановна пристукнула кулаком о ладонь, — но думаю, что жизнь теперь настанет распрекрасная!

СОДЕРЖАНИЕ

Петроград,
25 октября 1917 года

5

Ленинград.
1933 год

609

Эпилог
Санкт-Петербург.
9 мая 2018 года

747